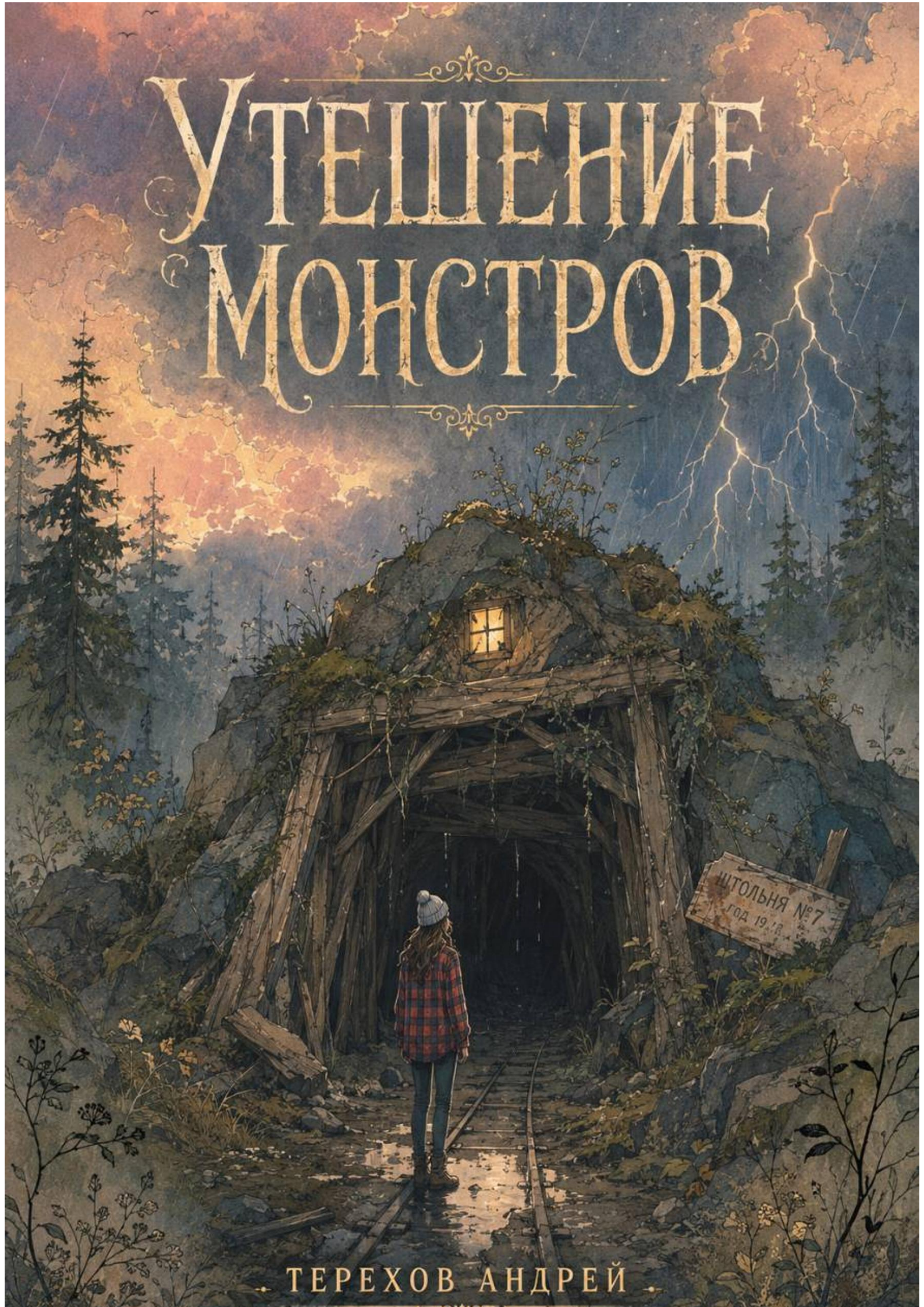

УТЕШЕНИЕ МОНСТРОВ

ТЕРЕХОВ АНДРЕЙ

Андрей Терехов

Утешение монстров

«Автор»

2026

Терехов А. С.

Утешение монстров / А. С. Терехов — «Автор», 2026

Касси возвращается в родной посёлок после аварии и инсульта. Она не помнит последних двух лет, её тело больше не слушается, а на голове воздвиглись рога. Единственный лучик надежды - встреча со школьной любовью, которая, возможно, ещё не угасла. Или все не так, как кажется?

© Терехов А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Текст	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Андрей Терехов

Утешение монстров

Текст

Это был не папа.

Порывы ветра с ревом сотрясали машину, пока мимо проносился Магадан: красно-белая телевышка, голые деревья, жгучее небо.

Касси скрючилась на заднем сиденье и переводила взгляд с блестящего затылка мужчины на город за окном. Туда и обратно, как заевшая пластинка.

Почему ее и маму забрал из больницы не папа?

Что, блин, за «Сережа»?

Возможно, если бы авария и insult не выбили из Касси два года памяти, она нашла бы легкое и понятное объяснение.

Но его не было. Из магнитолы ухал drum-n-bass, и в другое время Касси добавила бы себе что-то в плейлист, но сейчас музыка раздражала; в багажнике дребезжала инвалидная коляска, напоминая о хрупкости собственного тела. Дорога вихляла то вверх, то вниз, и Касси потряхивало в такт неровностям.

На желто-зелёной заправке, когда мужчина вылез, чтобы оплатить бензин, Касси наклонилась к передним сиденьям.

— Где папа?

Мама нахмурилась и достала из бардачка слуховой аппарат. Она надела его на ухо, вставила вкладыш и щелкнула переключателем.

— Я вся твоя.

— Ты... когда ты успела отрубиться?

— Устаю от Сережиной музыки. — Мама неопределённо повела бровями.

— Где папа?!

Солнце скрылось за облаком, глаза мамы потускнели. Она нашарила пальцами полупрозрачно-розовые бусины кварца на шее и стала перебирать.

— Дочка...

— Папа... Ну... — Касси замялась, чувствуя себя глупо. — Вы что, развелись?

Губы мамы сжались.

— Это в девятнадцатом случилось? — продолжала Касси. — Мы с тобой поэтому поссорились?

Мама отвела взгляд, и Касси почувствовала, как к ее горлу что-то подкатило.

— Мам, не тупи! Я же ничего не помню!

Молчание растекалось по машине, затапливая салон и не оставляя свободного воздуха. Грудь сдавило, лицо покрылось испариной.

— Мам, мам... мам!.. — Касси залепетала, она не могла остановиться, она боялась остановиться.

Мама подняла взгляд и виновато пожала плечами.

— Это тяжело, дочка. Это очень тяжело — говорить тебе снова.

У Касси затрясло подбородок. Она попыталась совладать с ним и не смогла.

— Н-нет-нет-нет!

— Думала, ты вспомнишь... — мама с досадой дернула бусы, раз, другой, они жалобно звякнули. — Не знаю, что думала. Эта больница, эти рога твои... Надо тебе что-то купить, прикрыть их.

Касси замутило, но тут дверца щелкнула, и «Сережа» залез обратно.

Захрипел двигатель, лязгнула подвеска. Касси прижало к сиденью. Снова потянулись дома, заправки, перелески, сквозь них просвечивали сизые горы и небо в редких перьях облаков. Солнце било в глаза — напалмом, до жара, до рези.

Касси подняла руки и хлопнула. Раз и другой. Третий.

— Что? — «Сережа» недовольно оглянулся. — Что такое?

— Дочка?

Касси продолжала хлопать, и руки ее то и дело промахивались мимо друг друга.

— Что с тобой?! — растерянно повторила мама.

— Ещё позже могла сказать?

Мама отшатнулась.

— Давай-ка ты с матерью повежливее! — влез Сергей.

Ладони горели и саднили от ударов, но Касси не могла успокоиться.

Сергей выругался и свернул к обочине. Касси хотела открыть дверцу, выбежать, катapultироваться к чертовой матери, но рука после инсульта не слушалась и бессильно елозила по чёрному пластику. Тут вмешалась мама, и Касси полувывалилась-полусвесилась в холодный воздух. Открыла рот...

Она смотрела на сухую землю, над которой дрожали бледные пучки прошлогодней травы, и пыталась не обращать внимания на слова мамы и «Сережи». На грани слышимости трепыхались обрывки фраз: «отец», «системный микоз», «эмфизема».

«Смерть».

Касси не плакала, не рыдала, не выла — она чувствовала тошноту и онемение, как будто ей ввели наркотик, который с небольшой побочкой блокировал все эмоции. Она просто сидела у открытой дверцы, как пассажирка в чужой жизни, и пыталась понять, вырвет ее или нет.

Рвоты не было.

Папы не было.

Тени травы колыхались на земле.

Касси представила, как выбирается из машины и бежит прочь по этой траве, по этой земле, представила недоумение мамы, когда стало бы понятно, что Касси не вернётся.

Но это было глупо. Без коляски Касси едва развивала скорость пьяной сороконожки: далеко не уйдёшь, от правды не скроешься.

— Поехали, — сипло проговорила она и качнулась обратно.

Мотор заворчал, хлопнула дверца. «Хонда» помчалась вперёд. Касси ткнулась пылающим лбом в холодное окно, закрыла глаза и почувствовала на веках солнце. Она представила папу: зимний лес, искры снега, фигура с ружьем на плече.

Касси задалась вопросом: должна ли она быть грустной или виноватой? Должна чувствовать что-то еще, кроме тошноты?

Потянулся очередной городок, и мама попросила остановить машину у магазина в пятиэтажке.

На несколько минут Касси и Сергей остались наедине. Она опустила взгляд и сжимала-разжимала отбитые руки, а сердце онемело билось в груди.

Папа.

ПАПА.

Сергей прикрутил музыку и немного повернул голову вбок.

— Ну и?

Касси показалось, что она ослышалась — с таким вызовом, с таким неприятием звучал вопрос.

— Не трогайте меня. Пожалуйста.

— Просто тату набить нельзя было? На хрена ты себе рога-то припечатала?

— Я не буду с вами разговаривать!

Зашуршал бушлат, заскрипела кожа на сиденье, и круглая голова еще повернулась к Касси. Моргнул глаз, зелёно-коричневый, оттенка осеннего леса.

— Нашу беседу помнишь, надеюсь?

Касси молчала. В голове нарисовалась сцена из детства, когда она отказалась идти с отцом на охоту. Долгий, тяжелый разговор, который — сердце защемило — уже не вернуть. Тот разговор Касси помнила.

«Сережу» — нет.

И откуда рога у нее — тоже нет.

Туман. Пустота длиной в два забытых года.

— Кассия, етить!.. Ломать жизнь себе хочешь — ломай, но мать не трогай!

— Кассия Владимировна.

— Чего-чего?

— Для чужих я — Кассия Владимировна.

«Сережа» поперхнулся, стал поворачиваться... дверь открылась. Брызнуло весенней свежестью, и в салон протиснулась мама. В ее руках радостно шуршал чёрный пакетик.

— Сто пятьдесят рублей счастья, — сказала она, хитро прищурилась и протянула его Касси.

Из полиэтиленовых недр выпросталась серо-голубая шапка-носок. Бирка была уже оторвана, посередке шла линия сгиба.

— Красивая, — машинально проговорила Касси.

Она подумала, что цвет ужасно идет к ее глазам, а потом ее бросило в пот: шапка требовалась, чтобы люди не отшатывались при виде рогов. Конечно, обычно не люди не очухиваются с неведомо откуда взявшимися рогами, инсультом и амнезией.

— Тоненькая, можно летом носить, — сказала мама.

Она очень старалась, но делала только хуже. Касси выдавила: «С-спасибо».

— Тебе нравятся же такие?

— Спасибо, — повторила Касси, как робот, и попыталась надеть «носок» вместо медицинской шапочки.

Здоровую руку затрясло, порезанная — ныла. Рога мешались, цеплялись за ткань, и Касси не справилась бы, разревелась, если бы не мама.

В который раз.

К тому времени, когда «Хонда» вскарабкалась на перевал, непогода бушевала вовсю. В паре метров ничего не было видно, и они вслепую проехали по чугунному мосту, под которым ревела и пенилась Грибядь. Запахло сыростью, болотом. За подтопленной низиной показались одноэтажные окраины Огневки, где под зеленым козырьком продуктового склеились в промокший-продрогший комок покупатели.

Касси узнала среди них Шурика и вжалась в сиденье.

Классе в пятом он взял у неё рюкзачок-ежика и сказал, что будет носить всю жизнь.

Конечно, слова не сдержал.

Касси его простила. Она всегда была хорошей девочкой, прилежной ученицей, верным другом. До десятого класса она не курила, не пила и не целовалась с мальчиками. В одиннадцатом, когда все сходили с ума по ЕГЭ, Касси захотелось всего и сразу.

С Шуриком.

Она уговорила Иру гулять с его компанией у дальника и по болотам. Касси пила с ними шампанское (сладко, пузырьки в носу) и не пьянела. Она играла в бутылочку у заброшенных штолен, но бутылочка темного стекла никогда не указывала на неё.

На выпускной Касси упростила родителей съездить за белым платьем — с разрезом, С РАЗРЕЗОМ ДО ЖОПЫ — и ждала, что Шурик позовет ее танцевать. Она побрила ноги, сделала депиляцию зоны бикини, она смеялась, искрила, а он позвал Ленку Боронову. Касси обиделась до зубовного скрежета и тщетно утешала себя, что, может, может... ну, попозже... ну, не первой — так второй или третьей... но время шло, надежда таяла. Чтобы не сдохнуть от тоски, Касси поддалась на ухаживания блондина Савельева из «Б». От него пахло солеными огурцами и вином, но он нравился маме и хорошо учился. Касси согласилась потанцевать и ещё раз потанцевать, и дала напоить себя до вертолетов в голове, до неловких обжимашек в незакрытом классе ИЗО.

На следующий день Касси покинула Огневку немного помятым и разочарованным в себе, но все еще слепящим триумфом молодости. Савельев пытался завести роман по переписке, а Касси — забыть его на «раз-два». У неё получилось лучше. Она училась в геологическом, ее поступлением гордились родители, о ней говорили в посёлке. Может быть, и Шурик говорил...

Теперь Касси возвращалась уродливой тенью, рогатым призраком, прикованным на несколько месяцев к инвалидной коляске. Она ничего так не боялась, как встречи со знакомыми лицами, с их окисляющей жалостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.